

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-82-90
УДК 330(3)(045)
JEL N021

Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века)

В.А. Погребинская

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8267-4636>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – показать взаимосвязь между мобилизационной моделью экономического развития и модернизацией России, которая носила догоняющий характер. Мобилизационная модель понимается как схема развития, направленная на достижение чрезвычайных целей с помощью исключительных средств и экстренных организационных форм. Период первой половины XX в. выбран как наиболее характерный для взаимосвязи между такой моделью и перестройкой экономики, когда были заложены основы дальнейшей трансформации России. Использование метода сравнительного исторического анализа реализованных и альтернативных вариантов модернизации выявляет актуальность темы. Она связана с тем, что в современных оценках российского опыта происходит смешение мобилизационной модели с идеей планирования и централизацией управления в целом, что мешает использованию теоретических и практических достижений прошлого. Они заключаются в доказательстве возможности сочетания плана и рынка на основе индикативного планирования.

Ключевые слова: директивное планирование; индикативное планирование; индустриализация; мобилизационная модель; нэп; неонэп; оптимальность; форсированные темпы

Для цитирования: Погребинская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века). *Мир новой экономики*. 2020;14(2):82-90. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-82-90

ORIGINAL PAPER

Model of Russia's Catching-up Modernization (the First Half of the Twentieth Century)

V.A. Pogrebinskaya

MSU. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8267-4636>

ABSTRACT

The purpose of the article is to show the relationship between the mobilization model of economic development and the modernization of Russia, which was catching up. The mobilization model is understood as a development scheme aimed at achieving emergency goals through exceptional means and emergency organizational forms. The period of the first half of the twentieth century was chosen as the most characteristic for the relationship between this model and the restructuring of the economy when the foundations for further transformation of Russia were laid. Using the method of comparative historical analysis of implemented and alternative modernization options reveals the relevance of the topic. It is related to the fact that modern assessments of the Russian experience mix up the mobilization model with the idea of planning and centralization of control in general, which prevents the use of theoretical and practical achievements of the past. They consist of proving the possibility of combining the plan and the market based on indicative planning.

Keywords: directive planning; indicative planning; industrialization; mobilization model; the New Economic Policy; the neoneconomic Policy; optimality; the forced rates

For citation: Pogrebinskaya V.A. Mobilization model of Russia's catching-up modernization (the first half of the twentieth century). *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(2):82-90. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-82-90

© Погребинская В.А., 2020

ВВЕДЕНИЕ. СУТЬ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Мобилизационная модель экономики возникла в годы Первой мировой войны. Наиболее четкое выражение она приобрела в России и Германии. Институциональное оформление данной модели в России началось с создания военно-промышленных комитетов (май 1915 г.), в функции которых входило снабжение армии и флота путем планового распределения сырья и заказов, контроля за их исполнением и установления цен. Революции и Гражданская война в России предопределили развитие мобилизационной модели. Была угроза целостности государства, голод и крайне ограниченные из-за войны возможности использования ресурсов. В этих условиях возникла острая потребность в направлении всех средств по единому плану на реализацию общей для государства цели, которая осознается обществом. Пока условия развития России были чрезвычайными (1915–1920 гг.), принципы действия мобилизационной модели включали: концентрацию ресурсов на определяющем звене развития, достижение цели любой ценой, централизацию управления, план-приказ, единоначалие в управлении и коллективный характер выполнения заданий.

Большинство представителей общества воспринимало эти принципы как необходимые для победы над врагом даже в ущерб потреблению населения. Но невероятные трудности реализации мобилизационной модели, переносимые населением только при признании ее нужной для существования страны, вызывают усталость. Как только такая необходимость ослабевает, общество начинает открыто выступать против нее, как в 1920 г., или уходит в «тень», как в 1950–1970 гг. Мобилизационная модель реализуется по принципу дискретности, согласно которому постоянная мобилизация невозможна. При уменьшении объективной необходимости модель поддерживается созданными институтами в интересах правящих слоев, народ перестает верить в ее пользу для страны. Это приводит к работе экономики в независимом от руководства режиме и, в конечном счете, к ее краху. Социальная политика государства заключается в своевременном отказе от мобилизационной модели или использовании ее отдельных черт в сочетании администрирования и индикативного планирования.

Существовала ли в России на практике и в теории противоположная мобилизационной модели модернизации? Исследователи модернизации в Рос-

сии, считая ее догоняющей, ввиду отставания от стран-лидеров, тяготеют к концепции абсолютного преобладания мобилизационной модели в истории страны. Для этого есть основания. Но есть примеры попыток реализации противоположных черт догоняющей модернизации в России, назовем их «оптимизационной моделью» (1960-е — первая половина 1970-х гг.). В абсолютном виде мобилизационная модель существовала: в 1915–1921 гг. из-за Первой мировой и Гражданской войн; в 1928–1932 гг. — по причине выбора политики индустриализации любой ценой; в 1937–1956 гг. — для подготовки к войне, в борьбе за победу в годы Великой Отечественной войны и для восстановления страны после войны административными методами. Данная модель показала значительные результаты в годы Великой Отечественной войны, которые высоко оцениваются и зарубежными авторами. Она была единственно возможной в условиях существовавшего соотношения сил на мировой арене.

В отечественной экономической теории в период, предшествовавший социалистической индустриализации, есть убедительные доказательства возможности в России реализации оптимизационной модели. Выдающиеся достижения российской экономической мысли 1920-х гг. (В. Базаров, В. Громан, Н. Кондратьев, Г. Кржижановский, Г. Фельдман) не были реализованы в области оптимизации процесса модернизации, но это не свидетельствует об отсутствии их научной и практической значимости.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В истории модернизации важен период конца XIX — начала XX в., когда проявились противоречия, связанные с объективными условиями развития России. Изучение этих условий позволило ученым в 1920-е гг. выработать оптимальный план социалистической индустриализации, основанный на генетических принципах развития. Объективная основа эволюции российской экономики заключалась в следующих ее чертах:

- громадная территория страны, разнообразие природно-климатических условий, богатство недр служили основой индустриализации. Такая территория смягчала аграрные проблемы, позволяя наращивать экспорт хлеба и за этот счет — средства бюджета, направляемые в промышленность;
- возможности экстенсивного развития сельского хозяйства тормозили интенсификацию

агарного сектора, которая создает рынок труда для промышленности.

Обширность территорий удорожала торговые связи между районами, замедляла внутренний товарооборот как источник накопления для промышленного производства. Основным источником накопления капитала выступала внешняя торговля, прежде всего хлебом. Россия попала в «хлебную ловушку», для выхода из нее необходима была индустриализация. Индустриализация в полной мере могла осуществиться только в условиях интенсификации сельского хозяйства, которая крайне затруднялась текущей потребностью в экстенсивном наращивании экспорта хлеба.

Большая протяженность границ требовала роста доли затрат на армию и уменьшала возможности государственного инвестирования индустриализации. Но потребности перевооружения армии, доставки средств в отдаленные части страны стимулировали развитие железнодорожного строительства и в целом промышленности.

Плохая изученность природных ресурсов России в начальный период индустриализации приводила к использованию сырьевых месторождений дорогой добычи, что способствовало росту цен. Доступные в Восточно-Европейской равнине бурый и каменный уголь был малокалорийным, что требовало компенсации качества количеством.

Разнообразие национального и конфессионального состава населения позволило использовать инициативную часть населения Польского, Западно-Украинского, Центрально-Промышленного районов и Сибири, прошедшую выучку торговым капитализмом, для целей инвестирования промышленности. Но неизбежная дифференциация в доходах в условиях многонационального государства часто интерпретировалась с националистических позиций. Это революционизировало ситуацию в стране и неизбежно вело к усилению централизации и бюрократизации.

Технико-экономическая и социально-культурная многоукладность России предопределила многообразие целей развития, что усиливало роль государства в сбалансировании интересов разных групп населения в индустриализации.

Государство играло определяющую роль в инвестировании индустриализации. Но зависимость промышленной буржуазии от государства в этих условиях тормозила процесс развития частной инициативы и отрицательно влияла на формирование конкурентной среды, необходимой для наращивания

капиталов и инвестирования промышленности. Модернизация хозяйства России обеспечивалась ростом фонда накопления за счет развития инвестиционной сферы, в основном тяжелой промышленности. В развитии этой сферы роль государственного сектора и официальной экономики была значительной. В сфере потребления для России определяющее значение приобретала параллельная экономика (та часть экономики, которая работает на удовлетворение каждодневных нужд населения вне участия государства.) Специфика параллельной экономики России заключалась в том, что она отражала противостояние демократического капитализма монополистическому и государственному капитализму.

Демократический капитализм — мелкое частное предпринимательство, основанное на трудовом накоплении капитала. Его социальная база — крестьяне, мелкие торговцы, бывшие наемные работники, отпочковавшиеся от фабрики и открывшие свое производство. Параллельная экономика России в значительной мере включала демократический капитализм и работала на обеспечение потребностей населения, которые не могли быть удовлетворены централизованной и монополизированной экономикой. Опыт параллельной экономики сыграл положительную роль в осуществлении нэпа.

Индустриализация в середине XIX — середине XX в. совершалась в России не после аграрного переворота и развития отраслей, обслуживающих потребление, как в Европе, а до или одновременно с ними. Поэтому значительную роль в потреблении населения играла параллельная экономика.

Влияние культурных и психологических особенностей россиян на индустриализацию также было неоднозначным. Такие черты национального характера, как терпение и смирение способствовали политике ограничения фонда потребления в пользу инвестирования промышленности (особенно в конце 1920-х — начале 1930-х гг.). Но ограничение потребления приводило к сдерживанию потребностей и сужению рынка сбыта для промышленности.

Разнообразие культур на территории России положительно влияло на процесс индустриализации. Например, культура старообрядцев предполагала рачительное отношение к деньгам и материальным ценностям, взвешенный подход к соотношению целевых и ценностных действий. Но в целом для России характерна бинарная модель культуры. Ее суть заключается в максимализме, неумении держаться разумной середины и умеренности. В экстремальных

обстоятельствах, складывавшихся в условиях догоняющей модели модернизации, бинарная модель резко отличалась от тернарной модели, свойственной Западу. Если «взрыв» в рамках тернарной системы сохраняет определенные ценности, перемещая их с периферии в центр системы, то в рамках российской бинарной системы этого не происходит [1, с. 258]. Отрицательно на процесс индустриализации на начальной стадии влияла неграмотность значительной части населения.

Модернизация России в конце XIX — начале XX в. осуществлялась во многом благодаря привлечению иностранных капиталовложений, сочетавшемуся с изменениями в институциональной структуре отечественного капитала. С подъема конца 1870-х гг. и до Первой мировой войны государственная инвестиционная политика характеризовалась сменой периодов этатизации (огосударствления) и приватизации. Дефицит капитала преодолевался по следующей схеме: государственные инвестиции — как начальный этап, затем передача предприятия в частные руки, последующее совместное участие и (или) этатизация. Иностранный капитал вписывался в данную схему на различных стадиях.

Значительные успехи в области модернизации были уничтожены Первой мировой войной, революциями и Гражданской войной. Резко упало производство. Наибольшее падение испытали инвестиционные отрасли и секторы экономики, работавшие на потребление населения. В структуре промышленности возросла доля военного и топливного секторов, производства одежды за счет поставок обмундирования для армии. Резкое падение уровня потребления населения, голод периода военного коммунизма (1918–1921 гг.) неотлагательно требовали восстановления сельского хозяйства, которое могло кормить население. Методами военного коммунизма, суть которого заключалась в мобилизационной экономике, сделать это было невозможно.

Потребность в новой экономической политике проявилась на уровне повседневной жизни народа. Первым мероприятием нэпа стала замена продразверстки продналогом. Логическое продолжение — отказ от мобилизационной модели ведения хозяйства в целом. Острая необходимость накормить население предопределила первоочередное внимание к восстановлению сельского хозяйства. Падение производства в сельском хозяйстве в результате войны и революции было меньшим, чем в промышленности. Стимулирование сельского хозяйства благодаря нэпу позволило к 1923 г. восстановить

посевные площади в довоенном объеме. В 1925 г. валовый сбор зерна более чем на 20% превысил его среднегодовое значение в 1909–1913 гг. — самое высокое в истории Российской империи. К 1927 г. животноводство достигло уровня 1913 г. Укреплялись середняцкие хозяйства, ставшие опорой восстановления аграрного сектора. Их доля росла и достигла к середине 1920-х гг. 60% [2]. Падение производства в промышленности в 1913–1921 гг. было большим, чем в сельском хозяйстве. Поэтому восстановление, связанное с глубиной предшествовавшего падения, шло сверхвысокими темпами. Но ввиду равных темпов тяжелой и легкой промышленности соотношение между ними изменилось мало. Если в общей стоимости продукции промышленности доля тяжелой составляла в 1913 г. 47,0%, то в 1927 г. — 47,8%. Доля занятых в тяжелой промышленности в их общем объеме возросла значительно — с 52,6 до 55,8% [3]. Это свидетельствует о падении производительности труда в отраслях группы «А» промышленности. Существовавший уровень развития тяжелой промышленности не удовлетворял руководство СССР, связывавшее будущее страны с социалистической индустриализацией.

Сверхвысокие темпы периода нэпа были обусловлены во многом глубиной их предшествующего падения в годы войны и революции. Они обеспечивались восстановлением разрушенного, а не созданием нового. Государство финансировало в основном отрасли тяжелой промышленности. Легкая промышленность и торговля развивались при определяющем участии частного капитала. Успехи в этих отраслях показывают, что социалистическая индустриализация (1928–1932 гг.) началась в условиях успехов развития потребительского сектора, в котором значительной была доля частного капитала.

ПЕРВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И РЕАЛИЗАЦИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

«Минимальный вариант» первого пятилетнего плана исходил из методологии оптимальности, но был принят максимальный план, который назывался «оптимальным». Название не соответствовало содержанию, но даже этот план был значительно откорректирован И. В. Сталиным. Ставилась задача догнать развитые страны за десять лет, преодолев расстояние в 50–100 лет, отделявшее СССР от них [4, с. 29]. Нереальность такой задачи не останавливала корректировщиков плана, а страх наказания за невыполнение приводил к фальси-

фикации результатов. Отказу от научных методов планирования способствовало коренное изменение кадрового состава Госплана и его руководства. Первого председателя Госплана Г. М. Кржижановского, считавшего задачами Госплана предвидеть и дирижировать, а не видеть и маневрировать, сменил В. В. Куйбышев, который слепо подчинялся указаниям вождя.

Роль Сталина в модернизации России продолжает обсуждаться. Крайние точки зрения: модернизация была осуществлена именно благодаря Сталину или вопреки его политике, не отражают сложности периода социалистической модернизации. Неверно было бы только трудностями оправдывать массовые репрессии этого периода. Сталин относился к бинарному типу личности, для которого характерны черно-белое восприятие действительности, неприятие вариантности развития, деление окружения на друзей и врагов, восприятие мира как враждебного, потребность в командовании, тяготение к революционным методам. Время и личность совпали. Для решения нереальных задач был необходим новый управленческий аппарат. Старый аппарат мешал, понимая последствия нереальных планов и предлагая альтернативные варианты. Материальное и моральное поощрение новых людей, в основном недостаточно образованных, позволило Сталину найти мощную опору решения хозяйственных вопросов революционными методами, которые оправдывали уничтожение одних ради счастья всего народа. Этим оправданием пользуются все диктаторы мира: от Ивана Грозного до Пиночета.

Динамика социалистической индустриализации получила в истории экономики определение «форсированные темпы», что является антонимом понятия «оптимальные темпы». Измерение фактических темпов экономического роста в период индустриализации представляет значительные трудности. Одна из них — учет инфляции. Среднегодовые темпы национального дохода в годы первых двух пятилеток, по официальным данным ЦСУ, составляли 13,9%, по данным ЦРУ — 6%, по данным Г. Ханина — 3,26%. Среднегодовая инфляция по данным ЦСУ: реальная — 13,9%, скрытая — 8,8%; по данным Ханина — соответственно: 3,2 и 18,5% [5, с. 28]. Для целей нашего исследования важно выявить постоянство роста национального дохода (мы пользуемся этим показателем, а не ВВП, так как он применялся для измерения экономического роста в СССР, а его перевод в ВВП создает дополнительные трудности и неразрешимые проблемы,

но не меняет направленности роста в исторической ретроспективе). Исследования экономистов советского периода показывают значительные колебания экономического роста в 1928–1940 гг.: от 21,1 до 6,6%. Наименьшему приросту национального дохода в 1933 г. соответствовал отрицательный прирост продукции сельского хозяйства (–5,6%) [6]. Зависимость темпов роста от сельского хозяйства становилась очевидной, а возможности перекачки ресурсов из него были ограниченными. Основой роста производства в годы первых пятилеток стали: форсированное инвестирование тяжелой промышленности, рост занятости в народном хозяйстве, рост производительности труда. Взаимосвязь этих факторов обеспечивалась перекачкой средств из сельского хозяйства, границы которой четко обозначились к концу первой пятилетки голодом населения. Экстенсивное наращивание ресурсов стало предельным. Соотношение между экстенсивными и интенсивными факторами в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) было следующим: рост производства более чем на половину обеспечивался ростом численности занятых на производстве и менее чем на 50% — ростом производительности труда; на 1% прироста произведенного НД приходилось 1,3% прироста капитальных вложений и 1,5% прироста основных фондов¹. Это стало одним из основных факторов роста фонда накопления в национальном доходе, который противостоит фонду потребления. Доля накопления в национальном доходе в 1932 г. повысилась до 26,9% в сравнении с 20,4% в 1928 г. Каждый процент роста национального дохода в среднем в 1928–1940 гг. был обусловлен 3,2% фонда накопления [6]. Отсюда видны макроэкономические причины урезания фонда потребления (переход на современные статистические измерители не меняет направленности процесса). Важным источником финансирования модернизации в годы первой пятилетки стал хлебный экспорт. Тогда было продано порядка 14,8 млн т (в 1929 г. — 1,3 млн т, 1930 г. — 4,8; 1931 г. — 5,6; 1932 г. — 1,8 млн т) [7]. Трагизм ситуации заключался в том, что основные продажи пришлось на 1930–1931 гг., отмеченные голодом, которым население платило за модернизацию, в условиях резкого падения доходов от продажи хлеба из-за обрушения мировых цен на зерно вследствие кризиса 1929 г. [стоимость тонны зерна в мире в американских долларах (биржа в Чикаго): 1929 г. — 68; 1930 г. — 45–60; 1931 г. — 10–14; 1932 г. — 12–16; 1933 г. — 13)] [7].

¹ Рассчитано по [6].

Доходы СССР (усредненные) от экспорта зерна составляли (в млн долл.): 1929 г. — 88,4; 1930 г. — 288; 1931 г. — 72,8; 1932 г. — 22. Доходы от экспорта зерна уменьшились в 1932 г. в сравнении с 1929 г. в 4 раза². Дефицит финансовых ресурсов пытались преодолеть путем экспорта хлеба, вывоза ценностей, а нехватку рабочей силы покрывали использованием дарового труда заключенных. В 1929 г. было принято постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных», для управления которыми создавался ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей). В действительности в лагерях трудились и инакомыслящие, проходящие по политическим делам. Кроме того, было введено такое наказание, как спецпоселения, куда ссылались все негодные режиму люди. В 1930–1931 гг. на спецпоселение было отправлено 2,5 млн человек, составлявших более 10% занятых в хозяйстве рабочих и служащих. В 1936 г. в исправительно-трудовых лагерях и колониях использовался труд 1 300 000 заключенных, а в 1938 г. — более 1 800 000 [8]. Среди заключенных было достаточно высококвалифицированных работников, свободный труд которых принес бы значительно больше пользы. Уровень производительности труда ГУЛАГа был ниже в среднем в 2 раза. Как экономический проект ГУЛАГ был убыточен. По подсчетам Л. Бородкина, общий вклад ГУЛАГа в экономику не превышал 4% ВВП [9] (кроме ГУЛАГа использовался труд высококвалифицированных специалистов в так называемых «шарагах», или «шарашках», — НИИ и КБ тюремного типа, подчиненных НКВД/МВД СССР, в них работали осужденные ученые, инженеры и техники). Основным направлением «шарашек» была разработка военной и используемой спецслужбами техники. Множество моделей военной техники и вооружений в СССР были созданы заключенными «шарашек».

Варварское использование отечественных квалифицированных кадров сочеталось с привлечением иностранных специалистов. Этот малоизвестный источник индустриализации был значительным не столько количественно, сколько в обучении передовым методам управления производства. Это был «импорт управленческих мозгов». К 1932 г. в СССР находились 37,5 тыс. иностранных специалистов, рабочих и членов их семей. В беседе с американским послом А. Гарриманом Сталин признал, что около 2/3 всех крупных промышленных предприятий СССР были построены с помощью или при техническом содействии США [8].

² Рассчитано по [7].

УСПЕХИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Успехи социалистической индустриализации могут оцениваться по следующим направлениям:

- создание научно-промышленной базы индустриального производства;
- реализация планов индустриализации;
- сравнение степени приближения к развитым капиталистическим странам;
- цена индустриализации для народа;
- способность созданной системы к совершенствованию.

Достижения российской науки в годы первых пятилеток создали основу прорыва в военно-промышленном и космических направлениях в послевоенное время. Работа выдающихся ученых России в эти годы проходила в сложных условиях нагнетания классово-борьбы и поиска врагов социализма. Физическое уничтожение выдающихся ученых Н. Вавилова, Н. Кондратьева, А. Чайнова, Г. Сокольникова, репрессии против большинства выдающихся авиаконструкторов, физиков, математиков, экономистов, историков нанесли огромный ущерб развитию науки в России. Вопреки этой варварской расправе над лучшими людьми России, российская наука достигла результатов, признанных во всем мире пионерными. Эти результаты важны для прогрессивного развития России, но могли быть во много раз больше.

Репрессии против многих ученых (особенно экономистов) были связаны с тем, что они доказывали нереальность принятого Сталиным плана. Если измерения в стоимостных показателях всегда вызывают споры и варианты оценок, то натуральные показатели более надежны. Так, производство чугуна в 1937 г. составило 439% по отношению к 1928 г., стали — 412%, угля — 361%, добыча нефти — 246%, производство электроэнергии — 724%, цемента — 306%, металлорежущих станков — 2425%, автомобилей — 25 000%. Были созданы передовые технологии производства специальных сплавов, синтетического каучука, развивались отрасли машиностроения, был построен метрополитен [2]. Но темпы роста производства, особенно в первую пятилетку, отличались от запланированных. По добыче угля задания первой пятилетки (оптимальный вариант) были достигнуты в 1933 г.; по электроэнергии — в 1935 г., по нефти — в 1934 г., а по измененному Сталиным варианту — в 1952 г. По чугуну показатели оптимального варианта были достигнуты в 1934 г., а по исправленному вариан-

ту — в 1950 г. Производство автомобилей достигло запланированного результата в 1935 г. (оптимальный вариант) и в 1937 г. — по сталинскому варианту [10, с. 321]. За годы первой пятилетки кардинально изменилась структура промышленности. В 1913 г. удельный вес группы «А» в валовой продукции промышленности составлял 41,8%, в 1928 г. — 44,3%, в 1932 г. — 52,5%, при запланированных 47,5%. Резкое, незапланированное уменьшение доли группы «Б» с 55,7% в 1928 г. до 47,5% в 1932 г. стало причиной дефицита потребительских товаров. Коэффициент опережения темпа роста группы «А» по сравнению с группой «Б» нарастал от 1,3 в 1928 г. до 2,3 в 1932 г. и до 2,9 в 1940 г.³ Такое значительное опережение усугубило основную причину голода конца первой пятилетки — истощение возможности перекачки средств из сельского хозяйства.

Голод, которым закончилась первая пятилетка, привел к необходимости государственных решений по росту народного потребления. На макроэкономическом уровне политика преимущественного роста отраслей группы «А» сменилась политикой такого роста для группы «Б». Однако реализовать ее удалось только в 1934 г. из-за международной обстановки. В период первых пятилеток и в дальнейшем, кроме восьмой пятилетки (1965–1970 гг.), сохранялись преимущественные темпы роста тяжелой промышленности. Голод 1932–1933 гг. вызвал необходимость и институциональных изменений, стала проводиться политика неонэпа, заключавшаяся в 1932 г. в разрешении колхозникам и единоличникам реализовывать излишки своей продукции на колхозном рынке, где цены определялись спросом и предложением. Эта мера создавала стимулы к труду на себя. Поощрялись личные подсобные хозяйства (ЛПХ), содержание в них коров, свиней, коз и домашней птицы. В 1930–1940-е гг. ЛПХ становится основным источником пропитания колхозников. В период второй пятилетки (1932–1937 гг.), по данным бюджетов колхозников, потребление основных продуктов питания в среднем на душу сельского населения возросло более чем в 2 раза (этот рост начинался с отметки, характеризующей абсолютный голод). Развитие ЛПХ в 1932–1940 гг. способствовало не только росту потребления колхозников, но и по некоторым видам сельскохозяйственной продукции

стало играть значительную роль в ее производстве и товарности. В производстве картофеля доля ЛПХ составляла 65%, овощей — 48%, мяса — 72%, молока — 73%, яиц — 94%, шерсти — 49%⁴. В товарной продукции удельный вес ЛПХ составлял к 1940 г. по картофелю — 54%, овощам — 18%, мясу — 55%, молоку — 51%, яйцам — 93%, шерсти — 26%⁵. Следовательно, можно утверждать, что наряду с общественным производством (колхозы и совхозы) ЛПХ представляло собой социально-экономический уклад с законами развития, характерными в основном для мелкотоварного хозяйства.

Введение неонэпа было вынужденным и при сложившемся в первую пятилетку управленческом аппарате не могло привести к кардинальной корректировке методов планирования и их координации с рыночным регулированием — вариантом, который теоретически разрабатывался в годы нэпа (1921–1928 гг.). Складывалась система администрирования, определенная в научной литературе как «административно-командная», предполагавшая отказ от альтернативных вариантов индустриализации и невозможность ее совершенствования.

Назывались следующие причины ее формирования.

1. Интересы диктатуры пролетариата диктовали форсированную индустриализацию.
2. Недостаточная образованность широких масс, в том числе большинства руководителей, формировала «сказочные» варианты ускорения в условиях власти, принадлежащей пролетариату.

Это верное, но недостаточное объяснение. В него не включен главный фактор принятия варианта ускоренной индустриализации — сложившаяся к концу 1920-х гг. «административная монополия». Идеологически ее формирование закреплялось тем, что в руководящих страной органах утвердился телеологический подход к управлению хозяйством, отрицающий действие экономических законов при социализме.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ МОНОПОЛИЯ

Сложившаяся административная монополия была логическим продолжением сращивания государства и монополии в дореволюционный период. Нэп был не только временным отступлением, но

³ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988; Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Статистика; 1957.

⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика; 1988.

⁵ Там же.

и неизбежным зигзагом в развитии этой монополии, которая практически не могла быть абсолютной. Подобный зигзаг выразился в формировании частного сектора не «рыночными правилами игры», а взаимодействием с государственным сектором на основе диктата «административной монополии». Суть «административной монополии» в отличие от естественной заключается в том, что, возникнув в условиях «догоняющей модели развития» для преодоления структурных диспропорций, она может существовать лишь при наличии таких диспропорций, которые она в силу борьбы за свое существование систематически генерирует. Из-за этой причины стало невозможным преодоление диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, которое стало определяющим для политики сдерживания доходов и снижения их дифференциации, формирования массового рынка и роста благосостояния. Для осуществления «официальной» антимонопольной политики в России не было достаточных общественных сил. Однако ход исторических событий через массовый голод, страдания и лишения людей в конце 1920-х — начале 1930-х гг. неизбежно привел к неонэпу, суть которого заключалась в попытке перехода от чисто административных методов управления к экономическим, что удалось лишь частично.

Неонэп привел к росту народного потребления, но, вопреки лозунгам, нарастала дифференциация доходов. Громадный отрыв правящей элиты и привилегированной интеллигенции от основной массы населения характеризуют следующие данные. К концу 1930-х гг. децильный коэффициент (соотношение заработков 10% самых высокооплачиваемых работников к доходу 10% наиболее низкооплачиваемых) составлял 8:1 (в 1920-е гг. — 5:1) [11, с. 16]. Нарастание дифференциации в доходах стало одним из методов стимулирования модернизации и тех слоев интеллигенции, которые безоговорочно поддерживали ее методы. Значительность результатов индустриализации как основы модернизации проявилась, прежде всего, в тяжелой промышленности. Индустриализация, осуществленная в годы первых пятилеток, привела к такому росту отраслей промышленного потенциала СССР, который поставил ее на второе место после США (в 1913 г. России находилась на пятом месте по этому показателю). Отставание от США по основным показателям промышленного потенциала (в натуральных показателях) в 1940 г., по сравнению с 1913 г., сократилось,

хотя и оставалось значительным. Военное производство (в стоимостных показателях) превосходило США к 1941 г. в 1,9 раза, Англию — в 1,3 раза, Германию — в 1,4 раза, Японию — в 4,2 раза [12]. Успехи в соревновании с развитыми капиталистическими странами в области тяжелой промышленности (и, прежде всего, ВПК) сопровождались значительным отставанием в области сельского хозяйства и потребления. Производство молока в СССР было в 4,3 раза ниже, чем в США, мяса — в 1,7 раза, животного масла — в 3,1 раза, производство зерновых и бобовых — в 1,4 раза, тракторов — в 6 раз, комбайнов — в 7 раз [5, с. 226]. Мобилизационная модель смогла обеспечить опережающий рост ВПК за счет потребления населения. Возможности мобилизационной модели в концентрации инвестиций для ВПК стали определяющим фактором победы СССР в годы Великой Отечественной войны. Она стала возможной только в условиях исторически выработанной способности советских людей к самоограничению, терпению, умению прощать роковые ошибки руководству страны.

ВЫВОДЫ

Исследование применения мобилизационной модели догоняющего развития показало, что только конкретные условия хозяйствования определяют возможности и границы ее применения. В годы социалистической индустриализации и Великой Отечественной войны мобилизационная модель показала значительные результаты. Констатация этого факта не освобождает от анализа цены таких результатов для народа и возможности альтернативных вариантов.

Планирование как метод реализации мобилизационной модели приобрело в годы индустриализации чисто директивный характер. Это практически заслонило его возможности в регулировании через индикативные планы. В настоящее время использование теоретического опыта России 1920-х гг. и мирового опыта хозяйствования свидетельствует о необходимости применения таких планов при условии сочетания государственного регулирования и рынка.

Государство как крупный частный собственник в тех отраслях, где оно необходимо, и частный сектор должны играть по одним правилам. Для этого необходимо развитое хозяйственное право, общественный контроль и экономическая культура — в целом. В ее формировании наиболее значительна роль системы образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис; 1992.
2. Верт Н. История советского государства 1900–1991. М.: Прогресс- Академия; 1992.
3. Кафенгфуз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания; 1994.
4. Сталин И. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Соч. Т. 13. М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры; 1951.
5. Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: СибАГС; 1991.
6. Анчишкин А., Яременко Ю. Темпы и пропорции экономического развития. М.: Экономика; 1967.
7. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Стат. сборник. М.: Внешняя торговля; 1960.
8. Супоницкая И. Успех и удача: труд в американском и российском обществе. *Вопросы философии*. 1993;(5):44–56.
9. Бородкин Л. ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН; 2005.
10. Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М.: АСТ; 2015.
11. Головин С. Имущественная дифференциация доходов населения СССР В 20–30-е годы XX века. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. 2008;(1):14–26.
12. Симчера В. Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды. М.: Наука; 2006.

REFERENCES

1. Lotman Yu. Culture and explosion. Moscow: Gnosis; 1992. (In Russ.).
2. Vert N. History of the Soviet state 1900–1991. Moscow: Progress-Akademiya; 1992. (In Russ.).
3. Kafengfuz L. B. Evolution of industrial production in Russia. Moscow: Epifania; 1994. (In Russ.).
4. Stalin I. Speech at the First all-Union conference of workers of socialist industry. Collected works. Vol. 13. Moscow: Politizdat; 1951. (In Russ.).
5. Khanin G. Dynamics of economic development of the USSR. Novosibirsk; 1991. (In Russ.).
6. Anchishkin A., Yaremenko Yu. Rates and proportions of economic development. Moscow: Ekonomika; 1967. (In Russ.).
7. Foreign trade of the USSR for 1918–1940 years. Statistical collection. Moscow: Foreign trade, 1960. (In Russ.).
8. Suponitskaya I. Success and luck: work in American and Russian society. *Voprosy filosofii*. 1993;5:44–56. (In Russ.).
9. Borodkin L. GULAG. Economics of forced labor, Moscow: ROSSPEN; 2005. (In Russ.).
10. Gaidar E. Long time. Russia in the world. Essays on economic history. Moscow: AST; 2015. (In Russ.).
11. Golovin S. Property differentiation of income of the population of the USSR In the 20–30s of the XX century. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University*. 2008;(1):14–26. (In Russ.).
12. Simchera V. Development of the Russian economy over 100 years. Historical series. Moscow: Nauka; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вера Александровна Погребинская — доктор экономических наук, профессор экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
v1432971@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vera A. Pogrebinskaya — Doctor of Economics, Professor, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
v1432971@gmail.com

Статья поступила 15.01.2020; принята к публикации 20.02.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.01.2020; accepted for publication on 20.02.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.